

Спецслужебный роман

«Джонни Д.» в российском прокате комментирует Михаил Трофименков

КУЛЬТИВИРУЯ
ЛЕГЕНДУ
О ГАНГСТЕРЕ-
РЫЦАРЕ, МАНН
(ОДНОВРЕМЕННО
РАЗРУШАЕТ
ДРУГУЮ —
ЛЕГЕНДУ О ФБР

МАЙКЛ МАНН часто делает фильм ради одного эпизода, а какие-то куски ему явно неинтересно снимать. В «Схватке» (Heat, 1995) таким эпизодом была уникальная экранная встреча Роберта Де Ниро и Аль Пачино. В «Майами. Полиции нравов» (Miami Vice, 2006) — финальная перестрелка. «Джонни Д.» монолитен и монументален, словно речь идет о биографии не гангстера, а какого-нибудь эпического воителя вроде испанского Сиды. Тюрьмы как средневековые замки; заполошные перестрелки, под аккомпанемент которых налетчи-

«О ГЕРОЕ ИЗВЕСТНО ТОЛЬКО, ЧТО ОН УБИЙЦА И БУДЕТ УБИТ»

Майкл Манн ответил на вопросы Андрея Плахова.

Говорят, что «Джонни Д.» оказался особенно актуальным в связи с нынешним мировым кризисом.

Прямой связи нет. Сценарий мы писали в 2007 году, к съемкам приступили в начале 2008-го, то есть еще до кризиса. Кроме того, сегодняшний кризис не сравнить с тем, давним. Сейчас безработица в США — около 8 процентов, а тогда было 25. Вы могли в течение многих лет работать, растить семью — и

в один прекрасный день все для вас кончалось, вы мгновенно могли все сразу потерять. Особенно тяжелая ситуация была в Чикаго, я родом оттуда, моя мать была в ту пору девочкой и потом

много рассказывала мне об этих временах. И отец тоже. Диллинджер именно потому воспринимался героем, что он грабил не людей, а банки, которые считались виновниками всех несчастий. Он воспринимался как враг правительства. В это же самое время разразилась засуха, люди голодали, верхний слой почвы превратился в пыль, которая летала повсюду, разносимая ветром. Люди голодали и задыхались. И все как один слушали радиорепортажи о том, как в этих облаках пыли идет охота за Диллинджером.

Вы говорите, что нет прямой связи с нашим временем. А вот когда появились «Бонни и Клайд» Артура Пенна, тоже гангстерский эпос, это была актуализация 1930-х годов.

Конечно, и «Джонни Д.» связан с нашим временем, но все же это другого типа зеркало, чем «Бонни и Клайд». Я делал гораздо более исторический фильм, нежели Артур Пенн, который беллетризовал реальную историю. Клайд не был в реальности такой жертвой, какой он показан, а Бонни не была похожа на Фэй Данауэй. Я впервые посмот-

рел «Бонни и Клайд», будучи студентом, и полюбил этот фильм, но к истории он имеет мало отношения, это модернизация в духе 1960-х. Я же стремился сделать аутентичное кино с глубоким интимным погружением в реальную судьбу и личность Диллинджера.

Вас считают наследником традиции нуара.

А сами вы что думаете об этом жанре? Попытка повторить нуар в чистом виде обречена. Этот жанр был связан со своим временем — с эпохой Второй мировой войны. Влияние на развитие жанра оказали

эмигранты из Германии — Фриц Ланг, принеся с собой опыт экспрессионизма, Билли Уайлдер или Томас Манн, хотя он и не был кинематографистом. Существовала связь и с французским экзистенциализмом. Огромный след в сознании оставила атомная бомбардировка Хиросимы и Нагасаки. Сформировался особый моральный кодекс. Одним из его постулатов стало «забудь об истинной любви».

А сегодня нуар жив? Не знаю, можно ли говорить о нуаре в современных условиях. Пропанганда, духовные меседжи —

все это осталось в XX веке, даже в его первой половине, когда все экранные медиа сводились к кино. Можно сказать, что в эпоху 1920–1940-х, когда работали такие гиганты, как Сергей Эйзенштейн, кино выполняло функции церкви. Сейчас на дворе эпоха мультимедиа — ТВ, мультиплексы, интернет. Поэтому кино меняется, оно отказывается от моральной определенности нуара. Например, в моем фильме «Схватка» Аль Пачино и Роберт Де Ниро играют героев-врагов, каждый из которых по-своему внушает симпатию. «Джон-

ни Д.» еще сложнее, ибо противоречие заложено в самом герое, о котором зритель с самого начала знает лишь то, что он убийца и что он будет убит.

Из чего для вас формируется кинематографический стиль?

Меня не интересует стиль сам по себе. Мой стиль всегда исходит из нарратива и эмоционального опыта — именно они определяют форму картины. Мне интересно довести стиль до самого края, до последней точки, где он рискует сам себя уничтожить. Для меня важнее субтекст, чем текст.